

Аббат Дж. Верт

Отец Иов

сборник рассказов

Аббат Дж. Верт

Отец Иов. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23283665

ISBN 9785448386411

Аннотация

Герои рассказов – вовсе не эпические герои, они слабые, растерянные и испуганные, но им предстоит сражаться с демонами и победить.

Содержание

АПОЛЛОНИЙ	5
МОЯ ПРЕЛЕСТЬ	10
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Отец Иов

Сборник рассказов

Аббат Дж. Верт

© Аббат Дж. Верт, 2017

ISBN 978-5-4483-8641-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АПОЛЛОНИЙ

Аполлоний проснулся с глубокого похмелья. Жутко болела голова и хотелось пить. Перевалившись на бок и разлепив глаза, он увидел небольшую амфору на полу и простую глиняную кружку. Не поднимаясь с лежанки, кряхтя, он плеснул красного кислого вина в кружку, пролив немало на загаженный пол, и одним глотком осушил посудину. Жизнь вновь вернулась в истерзанное многодневной пьянкой тело молодого римлянина.

Откинувшись на лежанке, Аполлоний уставился в низкий потолок и, разглядывая причудливый узор паутины, подумал о той миссии, с которой приехал в этот отдаленный Киликийский город. Римская матрона, любовником которой являлся Аполлоний, следуя новой римской моде, решила построить в крипте христианскую молельню, в которой непременно должны быть мощи христианского святого. А где взять мощи святого, как не на Востоке, где с завидной регулярностью эти сумасшедшие последователи иудейского Чудотворца умирали на аренах со львами и медведями, не желая отказаться от той маловразумительной белиберды про воскресение мертвых, которую столь презрительно комментировали римские оборванцы-философы.

Сегодня ему новые друзья преподнесли подарок – хорошее место на арене, где он сможет лучше рассмотреть, как

полыется кровь растерзанных христиан. Но до арены надо сходить в бани. Пара часов терм, бассейн, массаж, укладка прически по римской моде – должны вновь превратить Аполлония в человека.

Безжалостное солнце вскарабкалось на вершину неба, выцветшего, как плащ бродячего философа. Казалось, своими лучами оно желает испепелить тысячи благородных граждан Империи, собравшихся на скамьях арены, чтобы захлебываться криком и ненавистью к тем, кого сегодня будут разрывать в клочья дикие звери. Среди них был и Аполлоний со своими новыми друзьями, купленными за вино и веселые трапезы. Вот в почетной ложе появился градоправитель, как все греки толстый, лживый и развращенный. Взгромоздившись в кресло, он подал знак к началу.

На арену стали выходить вереницы людей. Женщины с грудными детьми, седобородые старики, избитые и искалеченные мужчины, поддерживающие один другого, все в изодранных хламидах, испачканных кровью. Был там один, отличающийся от других, еще не старик, крепкий мужчина с длинной бородой и прямой спиной, одетый в некогда белые, а ныне рваные одежды, он шел так, что казалось – это полководец возвращается с триумфом в Рим после победы над варварами, а не оборванец, которого сейчас разорвут тигры или затопчут носороги. Бедолаги дошли до центра арены, сгрудились вокруг старика и запели.

Прислушавшись, Аполлоний не услышал ожидаемых

просьб о помиловании или молений об избавлении от скорой и страшной смерти. Они радовались! Они благодарили своего Бога за тот щедрый дар, что Он приготовил им. И этот дар – бесценный дар – смерть на арене! Это невероятно!

– Они сумасшедшие? – спросил Аполлоний у друзей.

– Ага, – отмахнулся кудрявый перс, только что прооравший очередную кричалку, что скандировала толпа, – атеисты, ненавидящие наших богов.

Градоправитель сделал жест замолчать. Нехотя толпа повиновалась.

– Милостью божественного императора я последний раз предлагаю вам отречься от грубого иудейского заблуждения, признать государственных богов и принести им жертвы, – на удивление сильным голосом, которого Аполлоний никак не ожидал услышать от толстого грека, сказал градоправитель.

– Ваши боги в сущности своей не боги, Бог же, в Которого мы веруем, небеса сотворил и все что под ними, – заговорил старец с арены, и Аполлонию показалось, что говорит он не как приговоренный к смерти, но как консул, обращающийся к народу с портика храма Юпитера на Капитолийском холме, – Он есть источник вечной жизни, и в Его силах воскресить всякого верующего в Него для жизни вечной, жизни блаженной, жизни преславной. Кровью Сына Его все мы искуплены от смерти, и сейчас зубами диких зверей мы – как пшеница пажити Его – будем перемолоты в муку,

дабы родиться новыми людьми, как рождается хлеб. Вы мните себе, что убиваете нас. Сколь же глубоко вы ошибаетесь! Мы с радостью вышли на песок этой арены, пропитанный кровью святых угодников Божиих, стоящих сейчас в неизреченной славе у Престола Христа-Царя и взирающих с небес на нас, идущих к ним! О, сколь великая радость и нам принять из рук Всемогущего Бога золотые венцы, которые вы помогаете нам обрести! Да благословит вас Всемилостивый Владыка неба и земли, и да просветит вас свет Христов, просвещающий всех!

Градоправитель подал знак, и на арену стали выпускать львов, тигров, лигурийских волков и франкских вепрей.

А христиане пели. И столько радости было в их пении, что Аполлоний, как громом пораженный речью старца, совсем растерялся. Так не бывает! Жизнь, с ее маленькими радостями: крепким вином, печеной бараниной с латуком, оргиями и гонками колесниц – это единственная и высшая ценность! Почему они столь охотно отдают ее? О какой такой радости говорил старик и теперь поют оборванцы, которая ждет их после смерти? Страшной смерти! Не могут быть все они безумными, может быть, действительно есть что-то, что ценнее вина и секса? Может действительно есть Тот Бог, Который дарует жизнь вечную, жизнь блаженную, жизнь преславную всем верующим в Него? Кто этот Бог?

Дикие звери не хотели идти к оборванцам, они вяло бродили по арене, иногда порывивая и разевая пасти на пихаю-

щих их палками служителей арены. Наконец, один из львов бросился на женщину, сбил с ног, выхватил из ее рук ребенка, и, как кошка с мышонком, поиграл им.

А христиане все пели свои радостные гимны, и Аполлоний видел слезы на глазах многих, но он был уверен – это были слезы радости, от скорой встречи с Тем, к Кому они стремились всем сердцем – со Христом.

Аполлоний бросился к бортику, за которым умирали христиане, и закричал что есть сил, и крик этот шел из самого сердца, пылающего пламенем, которого никогда прежде не ощущал двадцатилетний римлянин. И вопль его, перекрыв и пение святых мучеников, и рев беснующейся толпы, долетел до ушей градоправителя, сделавшего жест легионеру «Привести!»:

– Стойте! – кричал Аполлоний, обращаясь к тем, что устремились к Небу, – Подождите меня! Я тоже христианин!!!

2011.

МОЯ ПРЕЛЕСТЬ

– О, Боже! Какая красота! – иеромонах Илий вышел из грязной «Нивы», чтобы посмотреть, как лучше объехать колоссальных размеров лужу, настоящее озеро, разлившееся на проселочной дороге после позавчерашнего ливня. И застыл, пораженный. Над головой бесконечное ярко-голубое небо без единого облачка, теплое и радостное солнце опускалось к кронам леса, раскрашенного в резные оттенки зеленого и золотого, справа поля сбегали к синей ленте реки, а на другом берегу темный зеленый лес стремительно карабкался на Уральские горы.

– *Хвали, душе моя, Господа,* – любуясь красотой родной земли, Илий испытывал почти религиозный восторг, тихо напевая 145 Псалом, он перекрестился, словно стоял в храме перед святой иконой, – *упование его на Господа Бога своего, сотворшего небо и землю, море, и вся, яже в них...*

Забылась долгая, утомительная дорога, размытая ливнем, забылось неприятное подозрение, что он заблудился, и придется поворачивать назад, а это дополнительно 4 часа, забылась и отдаленная, затерянная в приуральских лесах деревушка, куда Владыка послал отца Илия «на разведку». Было небо, лес, река и горы.

Иеромонах был молод, горяч, еще полон восторга, он иногда молча плакал на богослужении, когда хор пел «*Покаяния*

отверзи ми двери, Жизнодавче», загорался ревностью миссионера, когда читал «Письма святителя Николая Японского», или ревностью защитника веры, когда речь заходила о сектах и лжеучениях. Нередко малочисленная братия Свято-Троицкого монастыря тихонько посмеивалась над своим новоприобретенным собратом. А отец-наместник опасался, что молодой монах может погибнуть, окутанный сетями прелести, когда видел его на богослужении. Да и периодически вскипающая деятельность отца Илия тоже не привносила мир в истерзанное борьбою с грехом сердце отца-наместника.

Солнце спускалось к кронам осеннего леса. До темноты необходимо добраться до деревни, ночевать в поле – не самая радостная перспектива. Илий изучил лужу, наметил маршрут объезда и сел за руль. Назвать его хорошим водителем было нельзя, первый раз за руль монах сел только этой весной, поэтому борьба с лужей хоть закончилось победой человека над стихиями мира сего, но все же заняла не менее получаса. Отец Илий был уже на границе гнева, когда «Нива» выбралась на дорогу и побежала к лесу. Лес обступил стремительно ворвавшуюся в него дорогу со всех сторон, даже сверху. Деревья, разукрашенные в золото всех оттенков от нежно желтого до червонного, нависали над узкой грунтовой дорогой, заслоняя синеву неба и скрадывая лучи почти зашедшего солнца. Когда сумрак сгустился настолько, что пришлось включить фары, отец Илий понял, что заблудился.

Остановив автомобиль, он разложил на руле карту, и погрузился в ее изучение. За этим занятием его застала ночь.

«Если я правильно предполагаю свое местоположение, – подумал монах, приняв решение, – то через буквально несколько километров дорога должна выйти из леса на берег реки. Там и заночую. А утром обратно... искать деревню».

Действительно, через несколько километров лес расступился, выпуская из своего мрачного чрева грязный автомобиль иеромонаха. Большая, яркая луна уже взошла, освещая холодным серебром открывшиеся взору отца Илия просторы. Ожидаемой реки не было, вместо нее, окруженная со всех сторон лесом, раскинулась довольно большая по нынешним меркам деревня.

– Слава Богу! – воскликнул отец Илий, обрадованный, что ночевать придется не на берегу реки. Перспектива оказаться под утро в плену ледяного тумана, поднявшегося от холодной воды, его откровенно не радовала. А вот уверенность в том, что даже среди ночи заблудившегося православного священника пустят переночевать, да еще и накормят горячим борщом со сметаной, была. Потому как молод и наивен был еще отец Илий.

До ближних домов – чуть более полукилометра, но доехать на автомобиле было не суждено. «Нива» кашлянула и заглохла. Упорно молчала она на все попытки ее оживить. Стукнув в сердцах руль, монах вылез из салона, поправил подрясник, надел теплую безрукавку, повесил на плечо порт-

фель, и, ежась, зашагал к поселению. Деревня была погружена во мрак: не единого фонаря, не единого светлого окна. Тишина стояла кладбищенская: не выли псы, не шумели сверчки. Монах подошел к первому дому. Вроде жилой, не коттедж, но и не лачуга с провалившейся крышей. Калитка не заперта даже на щеколду.

– *Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе...* – зашептал отец Илий молитву, которую принято проносить, входя в келью или дом. Ожидаемой им собаки не было – и, слава Богу. Подойдя к окну, он несильно постучал. Тишина. Постучал сильнее. Молчание. Постучал сильно – сильнее уже нельзя, можно разбить стекло. Никого. Дом, видимо, пуст.

Все повторилось и во втором и в третьем доме. Жилые с виду дома были пусты. Тут на луну набежали стремительные облака, стало темно, как говорят: хоть глаза выколи. Искать обитаемое жилище было уже просто невозможно, поэтому монах решил войти в дом непрошеным гостем. Он уже и не надеялся, но дверь отворилась на слабый толчок. Тихонько войдя внутрь, отец Илий тщетно искал клавишу включателя, подсвечивая зажигалкой. Нет ни включателя, ни лампочек. Дом оказался не электрифицированным. Зато на столе оказалась керосиновая лампа, которая была немедленно зажжена. Непривычный для современного человека свет керосинового пламени осветил просторную комнату. В доме были две комнаты, большая и совсем крошечная,

кухонька с русской печью и сени с сундуками вдоль стен. Обстановка, что называется «допотопная»: стены неровные, грубо побеленные, на полу затертые полосатые ковровые дорожки, посередине стол, покрытый белой скатертью, у стены шкаф-трюмо на ножках и два кустарных кресла почти такие же, какие стояли у бабушки отца Илия. Иеромонах вспомнил бабушку, ее круглые очки, прикрывающие добрые, лучащиеся любовью глаза, ее фартук, испачканный мукою, ее блины и вареники с картошкой. Бабушка – это одно из самых теплых и радостных воспоминаний детства. Эти мысли заставили монаха улыбнуться, и ночь стала не столь холодной, и деревня не столь чужой. Изучив дом, отец Илий решил спать в кресле, все же он не Маша из сказки про трех медведей, чтобы почивать на чужой кровати без разрешения.

Дома было тепло, видимо хозяева натопили печь, прежде чем по неведомой причине уйти. Сняв безрукавку, отец Илий достал из портфеля молитвослов и окинул взглядом стены в поисках икон. Их не было. Только сейчас он понял, что же так разительно отличало этот дом от многих других деревенских домов, где ему приходилось бывать, по благословению Владыки объезжая отдаленные поселения, где он крестил, исповедовал, причащал и служил молебны. Ну, нет икон – не беда, для того он и ехал в эту даль, чтобы принести Свет Христов, просвещающий всех.

Закрыв глаза на несколько секунд, чтобы привести мысли в порядок, отец Илий в полголоса произнес первые сло-

ва вечернего молитвенного правила: «*Во имя Отца и Сына и Святаго Духа*». Не успел он произнести «Аминь», как во дворе что-то с грохотом обрушилось, и поднялся вой, словно дюжине волков придавили хвосты. Первая мысль была выскочить из дома и бежать на помощь, возможно, рухнул дом и под обломками могли оказаться люди. Захлопнув молитвослов и бросив его на стол, отец Илий рванул к двери, и остановился как вкопанный. Неяркий свет керосинки едва освещал зал, дверь, ведущая в кухню, тонула во тьме. И из этой тьмы на него смотрел кто-то. Этот «кто-то» был огромен, невероятно мускулистый полуголый человек в ржавом металлическом шлеме с кривыми бараньими рогами, в правой руке держал нечто похожее на пожарный багор, покрытый пятнами толи ржавчины, толи засохшей крови, а в левой руке... а вместо левой руки был длинный толстый медленно извивающийся щупалец со множеством мелких крючков; два крыла за спиной растворялись во мраке кухни. Монстр замахнулся багром, как если бы хотел зацепить Илию крюком, и... и видение исчезло.

Отец Илий испугался.

Грохот и волчий вой, сменились сейчас рычанием и вызывающим дрожь шопотом-шуршанием, доносившимся, казалось, со всех сторон сразу. Он так не боялся, наверное, уже лет 15, с той длинной ночи, когда они со старшим братом и его другом Витькой пошли на ночную рыбалку, и едва взошла луна, побросав удочки, сидели у костра и рас-

сказывали страшные истории. Истории рассказывали, конечно, брат и Витька, имея только одну цель – напугать салагу. И это им тогда удалось. Страх детский, бессознательный, ужас перед тем неизвестным, что живет в тени на границе взгляда, и прячется, едва устремишь туда взор, но скрываясь, оно приближается с каждой минутой все ближе, протягивает свои когтистые лапы или гибкие щупальца. Ужас сковывает, как бы это избито не звучало, леденит в жилах кровь. Отец Илий задрожал – стало холодно.

Что-то отчетливо заворчалось в комнатке с кроватями, засопело недовольно, послышался звук упавшего стула. И снова что-то выглянуло из тьмы. Уже не столь большое, лохматое, со множеством светящихся злобой глаз. Длинная волосатая паучья нога осторожно появилась из мрака, за ней медленно потянулась вторая.

– *Господи, помилуй!* – почти срываясь, прошипел отец Илий. Рванул к портфелю, руки дрожали, поэтому он еле справился с замком. На кресло полетели Требник, кропило, епитрахиль, пластиковая бутылка со святой водой, наконец, он достал маленькое Евангелие и напрестольный крест.

– *Да воскреснет Бог, и расточатся враги Его...* – отец Илий дрожал уже всем телом, не в силах победить дикий ужас. Он хотел бежать прочь сломя голову, бросив все, прочь, до «Нивы» и даже дальше – бегом через лес и до самых каменных стен Свято-Троицкой обители. Но он принял бой в той войне, в которой был воином. Он, сбиваясь, читал

молитву Святому Кресту, которую, как известно, так бояться бесы, больше всего опасаясь, что сейчас он от страха забудет слова, и тогда все. – *Да погибнут бесы от лица любящих Бога, и знаменующихся крестным знамением...*

В комнате поворчал, повздыхало, покряхтело и затихло. Не теряя не секунды, монах накинул на шею епитрахиль, надел поручи и, вцепившись одной рукой в Евангелие, другой сжимая крест, начал молитву на освящение дома. На улице продолжало ухать, шуршать, стучать в стены. В окна кто-то скребся и заглядывал, во тьме сеней кто-то гневно шептался. Окропив святой водой дом, начертив освященным маслом на четырех стенах кресты-голгофки, отец Илий читал Евангелие. Произнося дорогие сердцу слова Святого Писания, монах несколько успокоился, расправил плечи, голос окреп и не таял более на границе света, а, казалось, проникал во тьму комнаты и кухоньки и даже дальше – на улицу. Но и после освящения страхования не прекратились. В доме больше никто не шумел и не выглядывал из мрака. Но окна продолжали царапать когтистые паучьи лапы, а в стены стучать. На улице продолжалась бесовщина. Сев в кресло, прижав к груди Евангелие и крест, монах упорно бубнил: *«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного»*. Только когда горизонт на востоке окрасился алым, отец Илий как в яму провалился в сон.

* * *

– Эй, – отец Илий открыл глаза и увидел мужчину с коп-

ной русых волос, бородой лопатой и носом картошкой. Он стоял с недовольным видом над ним, рядом стояла старуха со злыми глазами, а из кухоньки выглядывали две головки – мальчик и девочка, близнецы лет 10—12-ти, с любопытством разглядывающие незнакомца.

– Здравствуйте, – сказал монах, вставая с кресла, – прошу простить, что вошел в ваш дом без приглашения. Мое имя Илий, иеромонах Свято-Троицкого монастыря.

– Ну? – буркнул мужчина.

– Я заблудился, – отец Илий оглянулся. Был день, свет заливал комнату, лучи солнца играли на стеклянной посуде в трюмо, освещали и маленькую комнату и кухоньку, преображая дом. Все случившееся ночью казалось безумным кошмаром, ничего подобного просто не могло быть в этом светлом, добром, таком патриархальном жилище, – и позволил себе переночевать у вас.

– Переночевать? – переспросил бородач недоверчиво, бросив взгляд на старуху, чьи глаза стали еще злее.

– Ладно, – после некоторой паузы, показавшейся монаху напряженной, сказала старуха. Обращаясь к мужчине, она приказала: – растопи печь, Снегирь, пора готовить еду. А ты, – она подошла ближе к Илию, и кривым пальцем дотронувшись до все еще прижимаемого к груди Евангелия, – сходи за водой, Луна и Ясень покажут, где колодец.

Спорить монах не стал, снял епитрахиль, поручи, все скоро сложив в портфель, он взял ведра и пошел за близнецами

со столь странными прозвищами – Луна и Ясень.

Деревня ожила. По улицам сновали люди, во дворах кипела деревенская деятельность: кололи дрова, таскали какие-то мешки, стучали молотки, починя нехитрый сельскохозяйственный инструмент, перебирали картофель и лук, шли за водой к колодцу, над домами поднимались клубы дыма. В небе летали птицы.

– Здравствуйте, деточки, – улыбнулся близнецам отец Илий, – а как вас звать?

Мальчик ухмыльнулся.

– Глупый ты, – сказала девочка, – неужели и в правду решил, что имена скажем?

Дети тоже шли каждый с ведром.

– А деревня как называется? – монах был уверен, что это вовсе не Березовка, в которую лежал его путь.

Мальчик снова ухмыльнулся еще более иронично.

– Глупый ты, – сказала после паузы девочка, – вроде с бородой, а такие глупые вопросы задаешь.

Иеромонах изумлялся виду сельчан. Было ощущение нереальности: мужики бородатые, в мятых каких-то сапогах, женщины в совершенно нелепых сарафанах, более всего удивляла одежда детей, обычно даже в самых отдаленных деревнях одевающихся относительно по-современному, местные же ходили в грубых едва ли не домотканых рубашках на выпуск и бесформенных штанах. «Попал ты, отец, к старобрядцам, – вздохнув, подумал отец Илий, – а то и того ху-

же».

Чтобы добраться до колодца, пришлось идти через всю деревню. Прошли мимо разрушенной церкви из красного кирпича. Свод провалился внутрь, из четырех малых куполов остался только один, да и тот без креста, остальные осыпались, едва намечая место где были, колокольня походила на оплывшую свечу, алтарная часть так же разрушилась, обнажая внутренности Святая Святых. Проходя мимо церкви, монах перекрестился.

– Ты эт чаво? – подал голос мальчик.

– Храму поклонился, – ответил отец Илий. – Очень жаль, что ваши отцы не отстроили церковь, это же такая радость и благодать!

– Глупый ты, – повторила очередной раз очевидную для нее истину девочка.

Прошли и мимо еще одного культового сооружения, в отличие от руин церкви оно находилось на окраине деревни у самого леса, так что разглядеть его не представлялось возможным. Оно было высокое, громоздкое, побеленное, и, что удивило монаха, с плоской крышей – и это в снежном Приуралье.

– А это что? – спросил он у детей.

Девочка промолчала. Мальчик опять ухмыльнулся, и хотел было что-то сказать, да тоже промолчал.

Набрав воды, троица устремилась обратно.

Еду готовили молча, только старуха отдавала редкие при-

казы. Отец Илий чувствовал себя чужеродным телом, но был заинтригован деревней, поэтому к «Ниве» своей не спешил.

– Брат, – обратился он к бородачу со странным прозвищем Снегирь, – я ехал в Березовку, подскази, как добратся?

– Березовка? – переспросил бородач, снова взглянув на старуху. – Была такая деревня, знаю.

И замолчал.

– Как была? – не понял монах.

Но до того как сесть за стол бородач более не проронил ни слова.

– Слава господину! Кланяемся защищающему нас! – сказала старуха, когда стол был накрыт.

– *Отче наш...* – начал было вполголоса отец Илий молитву перед вкушением пищи, но был одернут бородачом.

– Молчи и ешь!

Молитву монах закончил молча, мысленно благословил пищу, сел и молча ел, как и было рекомендовано.

Чай оказался вовсе не чаем, а неприятного вкуса травяным напитком, от которого заболела голова. Но соблюдая правила приличия Илий нос не воротил, все пытаюсь продумать как бы начать разговор.

– Брат мой, – снова он обратился к бородачу, и снова заметив, что обращение это ему не нравится, – когда мы ходили с твоими детками за водою, проходили мимо белого... хм... храма, что на окраине леса. Что это за храм, и какому

богу вы поклоняетесь?

Бородач бросил гневный взгляд из-под бровей. Старуха, которая была, скорее всего, матерью бородача, встала, так и не допив чай.

– Луна, Ясень, быстро мыть посуду, – приказала она.

Дети засуетились у стола, побросав ложки и недоеденную картошку.

– А тебя, гость, – она выделила интонацией «гость», – я бы хотела попросить.

И замолчала, так и не уточнив, о чем хотела попросить.

Иеромонах Илий сидел за опустевшим столом, бородач ушел, старуха молча делала свои старушечьи дела. Уже подумывая, что его мечты подражать в подвиге святому Николаю, просветителю Японии, и святому Макарию, просветителю Алтая, не более чем пустая гордыня, ведь даже с русскими он не смог найти общий язык. Встав из-за стола, Илий поблагодарил про себя Бога за пищу, поблагодарил вслух старуху и, взяв портфель, направился к выходу.

– Куда, болезный? – спросила старуха, на мгновение, перестав быть старухой, а став бабушкой.

– Уже день, – извиняясь, сказал отец Илий, – я вам премного благодарен, но мне необходимо добраться до ночи в Березовку.

– Нет Березовки, – грустно сказала старуха, еще более превращаясь в семидесятилетнюю старушку, уставшую и согбенную, – ничего нет.

«Несчастливые сектанты, – вздохнул иеромонах, – изолировавшие себя от мира, отлучившие себя от Бога».

– Матушка, есть и Березовка, и мир есть, и Всемогущий Бог, любящий нас, и *слава и красота и правда Его пребывает во век*, – почему-то он процитировал 110 Псалом, – *милостив и щедр Господь*.

Отец Илий подождал мгновение, поправил ляжку портфеля и вышел из комнаты.

– Блезный, – услышал он тяжелый вздох бабушки.

Но за порог дома монах так и не переступил.

– Матушка, – обратился он к старухе из сеней, – все здесь очень странно и для меня непривычно. Могу ли я задать вам несколько вопросов?

– Нет, – бросила, даже не повернувшись, она.

– В вашу деревню я приехал уже ночью, – отец Илий решил быть настойчивее, – стучался в несколько домов, но все были пусты. Как и ваш. Куда вы все уходили все?

Старуха молчала, продолжая неспешно копошиться у стола, перебирая пучки сушеных пахучих трав.

– И еще. Ночью здесь творилось что-то невероятное...

Старуха застыла, прислушиваясь, но так и не обернулась.

– Всю ночь что-то грохотало... – отец Илий аккуратно подбирал слова, – думал гроза с градом, но на улице сухо. Выли волки... опасно это, ведь загрызть могут... надо бы в лесхоз обратиться.

Старуха хмыкнув, продолжила свое копошение.

– Какой-то мужчина приходил, – продолжил монах, – богатырского телосложения... почему-то раздетый... только в... каске и с пожарным багром...

Старуха резко развернулась, глаза горели настоящей ненавистью, казалось, сейчас она превратится в гарпию и вцепится когтями в горло.

– Что он сказал тебе?

– Ничего, – отец Илий пожал плечами. «Значит не сон и не галлюцинация», – подумал он, воспоминания пережитого ужаса зашевелились в сердце.

– Врешь, песий сын! – пронзительно заверещала она, сжав кулачки.

– Правду говорю, мать, – голос иеромонаха был ровный, не первый раз он встречается с бабьими истериками, слишком много экзальтированных особ и кликуш приезжают в Свято-Троицкую обитель.

– Встретить его! Неназываемого! И остаться живым? Врешь, змеиный выкормыш!

В сени ввалился Снегирь.

– Что еще?

– Он продался! – старуха ткнула в отца Илия кривой узловатый палец, и завизжала: – В клетку его!

– Истину говорю! – крикнул монах, когда бородач схватил его за руку и заломил за спину. – Истину говорю, не продавался я никакому «Неназываемому»! Я прогнал его!

Снегирь отпустил руку. Старуха открыла рот, глаза округ-

лились.

– Врешь.

– Я священник, – ситуация приобретала фантазмагорические черты, – мой святой долг бороться с силами зла.

– Жрец господина? – бородач был поражен.

В те еще недавние времена, когда отец Илий не был ни отцом, ни Илием, он мечтал, что будет нести Слово Божие в отдаленные селения, может даже Африки или Юго-Восточной Азии, он представлял, что как святейший апостол Павел войдя в совет старейшин, скажет: «Того Бога, *Которого вы, не зная, чите, я проповедую вам*», и как просветитель Алтая шаманам: «Единый Бог послал меня к вам рассказать о Нем». И вот подобная ситуация. Кто эти люди? Язычники, а то и шаманисты, возносящие молитвы и, возможно даже, кровавые жертвы придуманным божествам и духам. Кого они называют «господином»? Истинного Бога? Отнюдь, иначе, православный храм не был бы в руинах.

Почему-то вспомнилась история про старую цыганку, которая, как она утверждала, лечила молитвами, «К кому обращаешься в молитвах?» – спросили ее, «К Господу» – «А как „Господь“ по-вашему?» – «Дэвел», – последовал ответ.

– Я священник Бога Единого, Благого и Милосердного, Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, победившего смерть и ад.

– Победившего ад? – старуха подозрительно всматривалась в глаза отца Илия. – Эти амулеты и книги в твоей сум-

ке, – она кивнула на портфель, – для ритуалов и жертвоприношений?

– Это не амулеты, матушка, но в целом ты права: для молитв и священнодействий.

– Снегирь, проводи жреца в храм. А я соберу старух и схожу за Дедом-заклинателем.

«О, Господи! Это же махровое язычество! Не в тундре за Полярным кругом, не в сельве Амазонии, не на островах Полинезии – в Приуралье!», – удивлялся отец Илий, когда его конвоировали до капища.

* * *

«В клетку его!» – кричала старуха в доме, теперь отец Илий полностью осознал, что же она имела ввиду. У высоких ворот побеленного храма висели на столбах 4 небольшие стальные клетки, в которых скорчились человеческие скелеты.

– О, Господи! – воскликнул монах, перекрестившись. – Вы сумасшедшие! Вы убили их!

– Убили, – согласился Снегирь, – они продались Неназываемому.

Все произошедшее с иеромонахом за эти сутки просто не укладывалось у него в голове. Этого не может быть, потому что не может быть! Но вот медленно раскачиваются на ветру цилиндры клеток, и в них кости. Черепа раззявили зубастые рты, словно хохочут или кричат, сквозь истлевшую одежду проглядывают ребра, руки и ноги торчат из-

за прутьев на свободе, некоторые скелеты лишились кистей и ступней. Отец Илий отвернулся от клеток. У храма собиралась толпа, известие о том, что в деревню прибыл «жрец господина» стремительно облетела селение. Иеромонах смотрел на сельчан, в их взглядах не было ненависти или злобы, но почему-то он был уверен, очень скоро они потребуют его крови. Нужно было что-то сказать, просто необходимо! Нужно было обратиться к собравшимся здесь людям со словами Благой Вести, рассказать им, как сильно любит их Бог, рассказать о той Жертве, Которую они выкуплены у смерти, рассказать о радости молитвы, и неземном счастье жизни будущего века. Слова и мысли шумели и толкались в голове как растревоженный улей, не желая выстраиваться в стройную и убедительную проповедь.

– Радуйтесь, братья! – наконец произнес отец Илий, раскинув руки, словно хотел обнять всех собравшихся. Речь рождалась сама, казалось даже, что Сам Дух Святой, как и обещало Евангелие, вкладывает в голову глубокие мысли и точные фразы, монах чувствовал, что сейчас произнесет самую лучшую свою проповедь, после которой и умирать не так страшно. Но не успел он сказать и первых слов, как толпа расступилась, пропуская к храму мятого старика с седой бородой в окружении старух.

– погоди радоваться, – сказал, как по лицу ударил, дед, – сначала разобраться с тобою требуется.

Он сделал повелевающий жест и несколько мужчин на-

чали отворять толстые, оббитые металлическими полосами храмовые двери. Не дожидаясь, пока двери будут отворены полностью, старухи вошли во мрак и стали зажигать толстые свечи. Старик взял отца Илия за локоть и грубо завел внутрь. Не смотря на то, что деду было, наверное, не менее 70 лет, хватка была железной, сказать по правде, еще неизвестно кто бы одержал вверх, если бы монах решил оказать сопротивление.

Храм делился двумя рядами простых квадратных побеленных колон на три нефа. Боковые нефы были заставлены рядами лавок, в центральном стояли вдоль колон кресла с высокими спинками, похожие на варварские троны. В дальнем от входа конце нефа – возвышение как в католических костелах, и на возвышении высокая каменная глыба – менгир, венчаный колоссальных размеров оленьими рогами. В храм не проникал ни единый луч света, окон просто-напросто не было. Зажженные старухами свечи горели неровно, как-то нервно дрожа и изредка стреляя искрами. В полумраке каменная глыба с рогами казалась чудовищным идолом.

– Поклонись! – велел старик, дотащив отца Илия до менгира.

– Нет, – негромко сказал монах, и процитировал ответ Спасителя, искушающему Его сатане: – *ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи.*

Старик нахмурился, хотел что-то гневно сказать, но за-

мер, прислушиваясь. Прислушался и отец Илий. Тишина.

– Господин? – спросил старик, обернувшись к менгиру. Он взобрался на возвышение и торопливо зажег шесть масляных ламп, похожих на увеличенные в десятки раз лампы. На рогатом мегалите заплясали багровые отсветы, открывая взору грязные потеки, монах подумал, что это кровь. Старик встал на колени и, протянув к менгиру руки, стал тихо выть. Через минуту завывания стали громче, он начал раскачиваться, наконец, сорвался на крик, забился в судорогах и упал ниц. Продолжая вопить и содрогаться всем телом, старик перевернулся на спину. Это был эпилептический припадок, его били конвульсии, вопль сменился мычанием, ртом шла пена. Отец Илий рванулся было на помощь, судорожно вспоминая, что надо как-то разжать зубы и вынуть язык, дабы эпилептик не задохнулся. «Стой!», – прошипела, выросшая словно из-под земли старуха, схватив за рукав. Припадок сменился истерикой. Старик стал хохотать как сумасшедший, сотрясаясь от душившего его смеха, он стал подниматься, сначала сел, потом встал на четвереньки. Слюни текли по бороде и капали на пол. Он встал, но еле держался на ногах, истерический хохот крючил его. «Мимака-абордо-террита-фана-фана-жоффффф...», – вместо хохота полился длинный поток бессмысленных звуков. Казалось, он разговаривает с рогатым мегалитом на ему одному понятном языке. «Беседа» продолжалась довольно долго, и прекратилась так же неожиданно как и началась. Ста-

рик упал на колени, его шатало, он тяжело со свистом дышал, словно пробежал марафонскую дистанцию.

– Господин сказал, что ты великий жрец, – медленно произнес он, пытаясь встать, старухи обступили его, помогая. Кто-то протянул объемную деревянную кружку с водой. Пил спешно, руки тряслись и больше половины воды он вылил на себя. – Господин сказал, что ты ходишь небесными тропами, и знаешь великие тайны. Я уже стар, и господин сказал, что ты будешь новым заклинателем. Готовься. Этой ночью он придет к тебе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.